

Верона Шумилова
Следы войны...

Рассказы

Верона Шумилова
Следы войны... Рассказы

«Издательские решения»

Шумилова В.

Следы войны... Рассказы / В. Шумилова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-936077-9

Раны и шрамы войны... Они слишком глубокие — вечные они! Великая Отечественная война оставила их для многих поколений, чтобы не забывали трагедии, чтобы помнили и чтили великий подвиг нашего великого народа. В книге «Следы войны...» ярко говорится об этом! Читайте и помните! Верона Шумилова

ISBN 978-5-44-936077-9

© Шумилова В.
© Издательские решения

Содержание

Следы войны...	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	15
Глава 4	18
Глава 5	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Следы войны...

Рассказы

Верона Шумилова

К Читателю!

Сегодня очень трудно собирать реальные факты о событиях в годы Великой Отечественной войны! Но их надо собирать и писать о них, чтобы не забывали этой трагедии, чтобы помнили великий и славный подвиг великого советского народа в тяжелой битве с коварным врагом.

Сколько горя и бед принесла нашей Отчизне самая тяжёлая, самая кровопролитная война в истории войн! Сколько жизней она забрала и сколько травм оставила на земле нашей Родины!

Об этом моя книга «Следы войны...»

Война ушла в свою историю, а раны и шрамы – остались на земле нашей, в наших сердцах и в памяти навсегда!

Читай, мой Друг, чтобы помнить о них!

*Верона Шумилова —
член Союза писателей России*

© Верона Шумилова, 2018

ISBN 978-5-4493-6077-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Коррекция, макет, книгу составил —
Сергей Нагорный (Maestro)

Следы войны...

Глава 1

Оксана вздрогнула.

Вздрогнула всем телом, будто ее ударили хлыстом. Она не могла понять, откуда и отчего этот удар, испугавший ее и пронзивший нервной дрожью и холодным паническим страхом.

«Откуда? – Напряглась всеми мышцами, натянулась, как струна: – Отчего?»

Она ощутила эту тревогу только что, в эти минуты, посреди лета и шумной дороги, ведущей домой; среди людей и белого дня, словно столкнувшись на ходу с бедой. Но откуда взяться беде? Вокруг спокойные лица прохожих, веселый людской гомон, ласковый июньский день без войны и военных пожаров. Много лет мир живёт на земле, на ее земле, где она родилась и живет; на земле, где под красными звездочками, приблизив великую Победу, под Харьковом и Гродно, на Днепре и под Шепетовкой, под Прагой и на польской земле лежат ее дедушка Федор, дяди Клим и Платон, два Сергея, Виктор, Глеб и много других родственников. Пропала без вести, угоняя от фашистов на восток колхозный скот, и ее красавица тетя Маша, которой не было и семнадцати лет.

Больно вспомнить! Тяжко думать!

Сама она не знает войны. Живет на свете всего двадцать семь лет, работает в библиотеке воинской части. На свою судьбу не жалуется: живет в достатке, носит модную и красивую одежду. У нее хороший муж, двое детей: пятилетняя Аленушка и трехлетний Антон. Есть благоустроенная квартира, для ребятишек – садик. Все у нее есть, всем довольна.

Так почему же этот страх? Откуда он? Отчего?

Оксана осторожно смотрела на людей, торопящихся в метро, тщетно пытаясь разобраться в причине ее тревоги. Что ее всколыхнуло? Что именно? В мирный день... Так неожиданно...

Вдруг ее мысли осеклись: среди пестрой людской толкучки, запрудившей улицу перед входом в метро, мелькнула длинная, почти до колен, золотистая коса.

Оксана снова вздрогнула, будто её ударили вторично. Впилась глазами в эту косу, толстую и необыкновенно красивую, яркого соломенного цвета, слегка покачивающуюся на белом кружевном сарафане.

Вот что заставило её вздрогнуть! Эта коса!

Где она такую видела раньше? Где? Когда? Такую же роскошную, туго сплетенную и длинную, яркого золотистого цвета?

Волнуясь и напрягая память, неотступно следовала за хозяйкой редкостной косы. Вдруг она исчезла. Лавируя между людьми, Оксана заторопилась в метро, опустила пятак, повела вокруг глазами.

«Надо непременно найти эту девушку...» – лишь подумала и тут же увидела ее: на ползущей вниз ленте эскалатора снова мелькнула удивительная коса. Оксана устремилась за ней, стала рядом с девушкой и незаметно скосила глаза: нет, молодая особа была ей не знакома. Но коса... Эта роскошная и необыкновенная коса!

«Где и когда она видела точно такую же? – лихорадочно искала ответа. – И почему она вызывает тревогу? Почему?»

Между тем девушка, стуча по асфальту острыми каблучками, переходила улицу. Оксана поспешила за ней, выискивая в памяти что-то забытое, но очень важное, сравнимое со страхом, с паническим страхом. Ничего на ум не приходило.

Тем временем девушка повернула в тихий переулок, зашла во двор старого кирпичного дома и скрылась в первом подъезде.

Оксана, переводя дыхание, остановилась. Что делать? Зайти в этот же подъезд, стучаться в каждую дверь? Ну, хорошо, она найдет девушку. А что ей скажет? Откуда такая коса у нее? На чью похожа? Ерунда какая-то! Нелепость!

Но и без ответа домой уходить не хотелось. Надо успокоиться, поразмыслить. Присела на край скамеечки. Сердце поднимало непонятную тревогу.

Еще никогда она не была такой растерянной и беспомощной, как в эти минуты! Сидела долго, устремив взгляд на коричневую дверь первого подъезда.

Домой вернулась ни с чем. Зашла в комнату, села на диван и продолжала допытывать себя: «Где раньше видела такую же косу, роскошную, очень длинную, золотистого цвета? – Нервно сжимала тонкие пальцы до хруста, до боли. – Почему она так испугала меня? Конечно же, не потому, что коса яркая и длинная и что такие косы редко носят современные девушки. Конечно же не потому... Тогда почему?..»

Ничего утешительного не приходило на ум. Взясась за ужин, но мысль о косе не давала покоя.

Вечером пришли из садика дети, ворковали, как всегда, вокруг нее, но она их почти не слышала.

– Мапочка, ты заболела? – спросила Алёнка, заглядывая в глаза. – Что с тобой? Ты такая невесёлая сегодня.

– Нет, моё солнышко, нет – торопливо ответила. – Ложись спать.

Дети уже спали, а Оксана, перебирала в памяти все эпизоды, которые могли бы ее привести к разгадке сложившейся ситуации, все больше волновалась. Так и сидела за столом, ожидая мужа.

Он пришел с работы через полчаса. Снимая китель с тремя звездочками на погонах, начал было рассказывать анекдот о лисе и пьяном охотнике, заливаясь заразительным смехом. Вдруг, взглянув на жену, насторожился:

– Что случилось? Встречает меня не счастливое лицо, а тревожное. Что, Саночка, с тобой? – Костя обнял жену за плечи. – Что стряслось в рядах стойких и мужественных? Где блеск прекраснейших в мире глаз?

– Устала, родной. А, может, приболела. Сама не знаю.

Костя наклонился к жене и губами притронулся ко лбу: он пылал жаром.

– Ба-а-а-теньки! Да ты горячая вся. Что случилось? Сейчас «скорую» вызову. Нельзя на ночь оставаться без помощи врача.

– Не надо. – Оксана благодарно взглянула на мужа. – Я уже приняла таблетку от температуры. До утра пройдет. Ужинай без меня.

– Нет, Саночка, только с тобой. Как же без тебя? Не могу.

– Что у тебя на службе? – Голос Оксаны был подавлен.

– Как всегда: земля – небо, небо – земля. Как там, сверху, не красиво, а наша колыбелька тянет к себе. И ты, прикоснувшись стальной птицей к ее груди, уже чувствуешь себя в безопасности...

Оксана его не слышала.

Костя вышел на кухню, надел голубой с рюшами фартук жены, зажег газ. Вскоре аппетитно запахло картошкой, свежим укропом и малосольными огурчиками.

Зажав голову руками, Оксана уже лежала на диване. Она не знала, она не понимала, отчего так тревожится. Ну, увидела косу... Красивую, толстую, золотую, длинную... Ну и что? Что из этого? Носят же такие косы девушки.

Еще больше разболелась голова, а в затылке гулко стучали молоточки: тук-тук... тук-тук... тук-тук...

Не дождавшись Оксаны, Костя ужинал один. Долго пил чай, заглядывая в разложенные свежие газеты, но ничего в них не видел: он беспокоился за жену.

Что с ней? Всегда добрая, приветливая, внимательная, с тонким юмором, а сегодня будто подменили ее. Что-нибудь на работе? Но что может случиться там, в ее библиотеке, среди царства книг, которые она так любит? Любит и много черпает из них не только для себя, но и для него и детей. Выбирает все ценное, все нужное, точно на сито просеивает: каждому – свое. То одну новость принесет домой, то другую, самую неожиданную и острую из прошлой жизни, что было за тремя замками. Ему, офицеру Константину Зотову, особо некогда читать: служба, полеты. Успеваешь лишь перелистать газеты да журналы по нужной тематике. И все же он много знает из последних публикаций, благодаря ей, своей Оксане.

Устало прикрыв глаза, Костя сидел неподвижно.

Ему, Зотову, попало такое счастье! А ведь он был уже женат. Похоронил жену, умершую от родов; осталась дочь Аленка, крошечная, болезненная, без материнского молока. Оксана, став его женой, выхаживала малютку, приняла ее, как свою. Растит чужое дитя и ни одного слова об этом за пять лет совместной жизни! Друзья завидуют ему: повезло Зотову, ох, и повезло! Он и сам это знает и каждый день, вознося хвалу судьбе, любит Оксаной, ее статной, словно выточенной, фигурой, черными вразлет бровями, большими зелеными глазами, такими преданными и чистыми, что, как ему казалось, лишь в таких живет настоящая любовь и преданность до последней минуты жизни. Таких больше нет на всем белом свете!

«Ах Оксана, Оксана! – допивая остывший чай, мысленно обращался к жене. – Мне так хорошо с тобой, надежно и тепло. Я спешу домой, чтобы снять усталость после трудных полетов, а уйду в небо с твоим добрым напутствием и верой в тебя. Ты никогда не повысишь голос, хотя на твоих плечах – трое, тобой любимых и хранимых».

Костя насторожился: будто вздох пронесся в воздухе. Прислушался – нет, вокруг тихо.

«Кто скажет, – продолжил он свои воспоминания, – что Аленка не твоя дочь? Твоя и только твоя! Как часто она бежит к тебе, протягивая ручонки, со словами: „Моя мамочка! Моя родная! Я так люблю тебя...“ Ты обнимаешь ее нежнее, чем Антошку, прижимаешь к себе и долго не отпускаешь. В твоих глазах слезы радости и счастья. А ведь Аленка похожа на ту, чужую тебе женщину...»

Прервав мысли, Костя снова насторожился: вроде опять послышался приглушенный вздох. Встал, неслышно подошел к двери: в комнате, где отдыхала Оксана, было тихо. Бесшумно ходил по кухне, убирая посуду. Затем, открыв дверь, на цыпочках подошел к дивану, долго смотрел на жену. Она не шевельнулась. Прикрыв ее ноги легким одеялом, ушел в спальню.

...Оксана не спала. В небольшой комнатке на последнем этаже дома было душно. За окном стояла непроглядная ночная темень, так и не принеся прохлады. Оксана изредка шевелила пересохшими губами, облизывала их, а перед ее глазами плыла и плыла на белом кружевном сарафане длинная и толстая коса цвета спелых пшеничных колосьев. Почему она ее взволновала? Почему?

А перед рассветом пошел дождь. Крупные капли барабанили по крыше и стеклам, сбегая вниз бойкими кривыми ручейками. В темном небе, упрятавшем звезды, вспыхивала надломленная золотистая молния, и гром, раскалывая на части огромный мир, загонял красные линии в далекий черный горизонт.

Дождь щедро поливал измученную и притихшую землю.

Глава 2

Утро выдалось солнечным и тихим. В открытую форточку струился свежий прохладный воздух, медленно вытесняя из комнаты накопившуюся духоту.

Оксана открыла глаза и посмотрела на часы: скоро семь. Преодолевая усталость, поднялась, зашла в ванную, открыла кран и долго плескала не слишком-то холодную воду на припухшее лицо.

Костя, чисто выбритый и одетый, сновал возле жены, заговаривал, пытаясь вывести ее из плена непонятной тревоги, но ее ответы были скупы и односложны.

Вскоре встали и дети. Оксана умыла их, причесала, накормила.

– А теперь ступайте в садик! – сказала непривычно строгим голосом – Ведите себя хорошо. Слушайте Ольгу Николаевну.

– Мы всегда ее слушаем, – ответила Аленка, одевая сандалики. – Мамочка, за нас не беспокойся.

Аленка одела Антошку, завязала на его светлых туфельках шнурочки. Вскоре их веселые голоса звенели на лестничной площадке.

Без настроения ушел на работу Костя, выпив стакан чаю.

Лишь только за ним закрылась дверь, Оксана начала торопливо собираться. Пугаясь в нарядах, выбрала скромное летнее платье, самое любимое, в зеленых березовых листьях.

Через некоторое время она уже спускалась в метро, внимательно рассматривая людей. Затем вышла на конечной станции, пересекла широкую улицу, повернула в тихий переулок и зашла в чистый двор пятиэтажного дома. Вокруг было тихо и пустынно, лишь в глубине небольшого скверика пожилая женщина чистила веником коврик.

Оглядевшись по сторонам, Оксана присела на скамеечку и устремила взгляд на дверь первого подъезда.

«Вдруг выйдет девушка с косой, – беспокойно думала, напрягаясь всем телом и мысленно блуждая в прошлых событиях. – Поговорю с ней и вспомню... Должна вспомнить... Должна!»

Мимо прошел человек в соломенной шляпе Он вел на поводке белую пушистую собачку. Еще вышел мужчина с портфелем в руках. Громко переговариваясь, вошли в подъезд две девочки.

Оксана сидела, не шевелясь. Она не могла вернуться домой, ничего не узнав: опять будет бессонная и слишком беспокойная ночь, опять останутся без должного внимания ее Костя и детишки. Ей непременно надо вырвать из забвения что-то очень важное, связанное с косой. Что? Что именно? И почему это «что-то» так волнует ее и нагоняет страх? Почему?

Из подъезда шумно выбежал подросток лет двенадцати. Оксана поднялась со скамейки и окликнула его:

– Мальчик! Подойди, пожалуйста, ко мне.

Притормозив бег, подросток несмело подошел к незнакомой девушке и поднял на нее синие, как небо, глаза:

– Чо надо?

– В вашем подъезде живет девушка с длинной светлой косой?

– Ага, живет, – тут же расплылся он в улыбке. – Машей зовут.

– А какая ее квартира?

– Э-э-э-э, – тянет белобрысый, по-видимому, вычисляя квартиру Маши, и уверенно отвечает: – В девятой. Это на третьем этаже, Может, вам ее позвать? Она студентка.

– Нет-нет. Спасибо.

Не приняв благодарности, мальчишка уже мчался по переулку, широко выбрасывая вперед тонкие голенастые ноги: там, на волейбольной площадке, его уже ждали подростки.

Зайти в чужую квартиру Оксана не решилась. Вначале надо обдумать такое решение, выстроить четкий план беседы, чтобы не потревожить незнакомых людей.

Что скажет, когда без приглашения зайдет к чужим людям? С чего начнет свой необычный вопрос о косе?

А время неумолимо уходило. Над густыми деревьями скверика, зацепившись за ветки кудрявой акации, повисло золотистое солнце, заглядывая в каждый дворик и в каждое окно.

На следующий день, после второй бессонной ночи, Оксана чувствовала себя плохо. И снова не ответила на вопрос мужа, что же в самом деле с ней произошло, лишь суетилась возле детей, собирая их в садик. Словно в дремоте преодолевая уже знакомую дорогу, думала тревожно об одном и том же: о роскошной золотистой косе.

«Зачем беспокоить этой проблемой мужа? У него ведь трудная служба и сложные полеты, – убеждала себя. – Во всем разберусь сама, а потом и Костя узнает. Секретов от него никогда не было и не будет».

Так и решила, сидя у подъезда чужого дома. Мимо то и дело проходили люди: молодые, пожилые, подростки, дети, но девушка с косой не появлялась.

Оксана нервничала. Что подумают жильцы небольшого здания, наблюдавшие за ней из своих окон или проходившие мимо? Вновь торчит здесь с самого утра какая-то подозрительная личность. Не воровка ли?

На третий день Оксана зашла во двор уже знакомого дома раньше обычного, скользнула взглядом по чисто выметенной дорожке, по ярким цветам. Не успела дойти до скамейки, как из подъезда выбежала Маша.

От неожиданности Оксана оторопела, но лишь на мгновение. Тут же решительно шагнула к ней.

– Вы Маша?

– Да, я! – удивленно вскинула брови юная девушка, разглядывая незнакомую молодую женщину.

– Мне надо поговорить с вами.

– Простите, сейчас не могу. Опаздываю в институт. – Маша закинула роскошную косу за спину, улыбнулась: – Извините!

– Всего несколько минут. – Оксана готова была расплакаться. – Прошу вас.

– Ни одной! – уже удаляясь, ответила девушка. – Приходите завтра в это же время. Квартира девять. – Ее тоненькая фигура с великолепной косой скрылась среди кустарников.

Ждать завтрашнего дня Оксане не хотелось. «Кто-то, наверное, есть в этой квартире сейчас? – рассудила трезво. – Зайду, расспрошу, чтобы решить этот загадочный вопрос и больше не изводить себя и своих близких».

Тихо скрипнула дверь, впустив Оксану в чистый подъезд. Наверх пошли крутые ступеньки. На третьем этаже остановилась. Справа, на двери, красовалась металлическая цифра «девять».

С замиранием сердца притронулась к звонку. За дверью было тихо. Прислушалась, нажала вторично, по сильнее, и услышала мужской голос:

– Входите! Дверь не заперта.

Оксана робко переступила порог.

– Проходите сюда, не стесняйтесь. – Голос был тот же.

Оксана повела глазами и оторопела: напротив входной двери, на стене, висел огромный портрет Машеньки с золотистой косой, а под портретом сидел пожилой мужчина. Черная повязка прикрывала его правый глаз.

Оксана растерялась и не сразу поздоровалась, а когда невнятно промямлила: «Доброе утро» и услышала в ответ: «Доброе, доброе», увидела, что старик одет в майку, а вместо его

правой руки торчит короткая культя с багрово-синими рубцами. Так и стояла, не зная, с чего начать разговор.

– Входите, входите! – обратился к ней хозяин квартиры, тепло улыбнувшись в подковку седых усов. – Вы, наверное, подруга Машеньки?

– Нет-нет! – поспешно ответила Оксана и замялась: – Я зашла... Хочу поговорить...

– Да вы присядьте, пожалуйста. В ногах правды нет. Вот сюда! А я прикрою руку, вернее, свою культяпку, чтобы не пугать этой раной вас. Молодежь брезгует такими ранами и такими стариками, как я... – Мужчина произнес последние слова с тоской и, не пряча от гостьи свой печальный глаз, добавил: – Вы, молодые, не ведали, что было, и слава богу. – Он поднялся с кресла, тонкий, высокий, с выпирающими скулами на худом продолговатом лице и, горбясь, надел полосатую рубашку. Снова сел и уставился куда-то в угол комнаты всем своим трагическим видом, и от этого Оксане становилось не по себе: ей уже ничего не хотелось выяснять, кроме как оставить больного старика в покое. Но он перевел на молодую женщину свой воспаленный глаз, над которым кустиком торчала густая седая бровь. – Чем могу служить?

– Собственно говоря, я не к вам. Я... Я вот к ней... К Маше... – и кивнула на великолепный портрет, выполненный масляными красками.

Хозяин квартиры нервно дернулся, словно получил удар, помрачнел и глухо откашлялся:

– Нет, нет! Только не к ней... Это... Это моя жена...

Еще больше смутившись, Оксана не поняла объяснение симпатичного старика: на портрете явно была девушка, только что встретившаяся ей во дворе: то же лицо, та же великолепная коса. Размышляя над этим какие-то секунды и тревожась все больше и больше, смотрела на черную повязку, закрывавшую лоб и правый глаз старика и на пустой рукав полосатой рубашки. И она уже не могла уйти отсюда, оставив этого несчастного человека одного со своими тяжкими думами. И не могла почему-то задать тот единственный вопрос, с которым сюда пришла. Чуть позже!.. Чуть позже!..

Видя смятение своей гостьи, хозяин квартиры заговорил снова:

– Машенька, внучка моя, только что убежала в институт добывать знания. Они всем нужны во все времена и эпохи, особенно трудные. Это, знаете ли, убежище и приют для каждого

Старик, по-видимому, хотел выговориться перед новым человеком, но слова его взлетали трудно, точно раненые птицы.

– Если человек не посадит дерева, пока он молод, то, когда состарится, у него не будет тени, чтобы укрыться от лучей палящего солнца. Он непременно засохнет, ибо другие тени от выросших деревьев будут спасать только своих хозяев.

– Да, это так, – соглашается Оксана, неудобно сидя на самом краешке стула и думая о своем. – Знания никому плечи не дают.

– Моя дочь трудится, внучка – учится, а я вот сижу один, гляжу на портрет жены, юной, молодой, красивой, беседую с ней, вспоминая молодые годы...

Оксана сидела, как на иголках: ей непременно надо было заговорить о косе, сейчас же, сию минуту, чтобы снять все тревоги, накопившиеся за несколько дней. Но она свяжет себя по рукам и ногам ради этого фронтовика, дав ему возможность самому выговориться, излив свою душу до конца, до самого дна; она не перебьет его, пересилит свое непреодолимое желание задать свой вопрос, ради которого сюда пришла, уступит немощному и очень пожилому человеку, который вынес столько горя в своей прошлой жизни. Пусть говорит, пусть отогреется. Пусть!

– Я – инвалид войны, – не подозревая, в каком смятении находится девушка и почему она зашла в его квартиру, продолжал старик, изучая ее бледное и очень красивое лицо. – Вот что сотворила она, проклятая! – и потряс перед ошеломленной Оксаной пустым рукавом. – Беда, что вода, так и норовит утопить человека. И если он не умеет плавать в бурлящем потоке, он

утонет. Ей-же богу, утонет! – Он помрачнел, тронул сухими длинными пальцами, похожими на корявые ветки обгоревшего дерева, черную повязку, провел по всей ее длине, боясь обнажить под ней зияющую пустотой рану – след давно прошедшей войны и вздохнул: – Знаете, незаживаемые раны. Незаживаемые от всего прошлого да и настоящего.

Не перебивая словоохотливого человека и понимая его, Оксана все же с нетерпением выжидала момента, чтобы наконец-то начать свой разговор, очень важный, очень нужный, повергший так ее в непонятную тревогу.

– Мало нас, ветеранов, осталось в живых. Единицы... Да и не стареем мы уже, а высыхаем. Стареют молодые. Я ведь на фронт убежал юношей.

«Спрашивай же о косе! – требовала от себя Оксана. – Ты же пришла за этим. Спрашивай! Время-то идет... – Но сидела тихо и неподвижно, придавленная горькой правдой искалеченного войной человека. – Как его прервать? Как? Он же изливает свою невостребованную боль».

– Тебя, дочка, как величать? – переходя на «ты», вдруг переменял он тему разговора. – Познакомиться-то надо.

– Оксана я. Оксана Зотова.

– А я – Мухин Сергей Ильич. Всегда рад гостям, хотя они редко у нас бывают. Машины друзья – это не мои собеседники. Кому нужны шрамы и мое горе? Сажу рядом со своей Машенькой и молчу. Когда был помоложе, работал в школе сторожем. Теперь ноги отказывают... – Мухин положил большую узловатую руку на острое колено, потер его, скривился: – Да-а-а... Ты, дочка, не спешишь? Может, я заговорил тебя?

– Нет-нет! – поспешно ответила Оксана, чтобы не обидеть старика. – Говорите, пожалуйста.

– Ну и хорошо. Без людей тоска заедает. Особенно в старости. Читать не могу: глаз плачет. Один он у меня. Идешь к финишу и все чаще оглядываешься назад: что оставил людям? И оставил ли? Лично я спас свою страну от варваров. Никакие мазила и чернила это не сотрут, как бы ни старались злопыхатели. А они стараются изо все сил и бьют по ветеранам из орудий всех калибров. Н-да-а-а!..

Оксана боялась смотреть в лицо человеку, битому-перебитому на трудных военных дорогах, не обласканному и в нынешнее время. Как можно не понимать его? И кто может усомниться в его подвиге? Вот он, весь на виду: искалеченный с головы до ног. Тяжкие следы прошедшей войны! Ох, и тяжкие!

– Сергей Ильич! Как и когда вы получили такие ранения?

– Э-э-э, дочка, хорошо, что жив остался. А, может, и плохо... – Он поморщился. – Воевал с первого дня юным и неопытным. Отступал и наступал. Всяко было. Но никогда, даже в самых трудных ситуациях, не трусил. И в окружении был. Что пережил! Что испытал! Не приведи господь! Вырвался кое-как – и к партизанам. Снова воевал, не прячась за чужие спины. Там и встретил мою Машеньку, молодую и красивую украинку с длинной роскошной косой. Из-за этой косы ее все партизаны знали. В отряде её звали: «Маша – краса наша!»

Что Оксане мешало тут же сосредоточиться? Спрашивай у старика факты, доставай из детства свои и соедини все оборванные нити и человеческие судьбы.

– ... с ней вместе бедовали, – доносились к ней слова Сергея Ильича. – И фашистов били. И как били! Однажды попали в засаду. Кое-как вырвались, но не все... То страшная картина была...

Оксана почти не слышала, о чем говорил Мухин, копаясь в чем-то сложном и непонятном, а он все говорил и говорил.

...Горевали мы долго. И себя обвиняли. Не щадили, нет! А потом мстили и мстили... О, месть была жестокой!

Оксана словно окаменела.

– Жертв тогда было много, – доносилось до нее издали. – Кто их тогда считал? Нужна была победа любой ценой. Отсюда и потери.

– Боже, как тяжело всем было, – выдохнула Оксана. – Как же забыть все это? Живым такое не забыть. Поколения не забудут!

– Вовек не забыть! Кто воевал, тот не забудет. – От печальных воспоминаний Мухин устал. Он отдыхал.

«Теперь можно спросить и о косе, – расслабляясь, решила Оксана. – Дала возможность выговориться человеку, выслушала его, не перебивая, не обидела».

– У вашей жены такая роскошная коса, – начала она издали. – И у Маши, внучки, такая же. Это настоящая редкость!

– Да-а-а, – отходил душой Мухин. – Это наша семейная гордость. В партизанском отряде трудно было моей Машеньке ухаживать за ней. Все же я не разрешил ей остричь такую красоту. Бедствовала, вшей кормила, голову дустом посыпала. Язвы пошли, ночами не спала, но сохранила её. Я так хотел.

– А потом? – допытывалась Оксана. – Как сложилась ваша судьба?

– Потом?.. Потом мы с Машенькой честно воевали. Я был сапером, а она... Кем только не была она? И медсестрой, и поварихой, и прачкой. И автомат, само – собой, в руках держала, когда было туго. Стреляла без жалости. – Мухин зашевелился, удобно усаживаясь в мягком потёртом кресле, и посмотрел на портрет жены: – Так ведь, Машенька? Особенно тяжело нам было, когда родилась дочь Машенька. Декабрь, трещат морозы, а у нас крохотное дитё.

– Опять Маша? – вскинула брови Оксана. – Что же получается? В одной семье три Маши?

– А что? Мы так хотели, – охотно ответил на недоумение своей гостьи Мухин. – Я ходил на задания, бил фашистов за троих: за себя, Машу и Машеньку. Когда дочке исполнилось полгода, жена отвезла её к моим родителям, которые не успели эвакуироваться. Маша оставила у них малышку, а сама вернулась в отряд. В один тёплый день она ушла на связь в деревню и назад не вернулась. Сельский предатель донёс на неё. – Мухин поморщился, как от зубной боли: – Были среди нас и такие людишки. Её зверски пытали, истязали, а потом куда-то увезли. Я больше её не видел. Никогда! – Сергей Ильич замолчал и сидел неподвижно, вцепившись худыми узловатыми пальцами в мягкую обшивку оранжевого кресла. Его короткая культя стала дергаться, поднимая и опуская пустой рукав рубашки. Чувствуя это, он здоровой рукой натянул рукав, но живой кусочек тела продолжал дергаться, вызывая у Оксаны нервный озноб.

– Э – тэ – тэ – тэ, как расшалилась, – огорчённо протянул старик, прижимая культю к себе. – А всему виной – война. О, как утомлена моя жизнь! О, как исковеркана! О, как измучена!

Оксана была потрясена. Ей вдруг захотелось заплакать, чтобы со слезами излить всю горечь и боль от встречи со старым человеком, живым участником войны, о которой она знала лишь из книг да фильмов. Ей захотелось попросить у него прощение за всех, кто его обидел и не понял, кто хоть один раз оскорбил. Подавляя в себе что-то вроде стоны, спросила:

– Куда увезли? Вы узнали, куда увезли жену?

Зло сверкнув покрасневшим глазом, Мухин передернулся, точно его проткнули насквозь штыком, острие которого он дважды уже испытал на своем теле: в первый раз вражеский штык проткнул ему плечо, во второй – влез в грудь у самого сердца.

– Куда же увозили своих врагов фашисты? – Голос его задрожал. – В Германию, на каторгу. Я тогда ничего не знал. Ходил несколько раз в ту деревню, чтобы расспросить о ней. Узнал лишь о пытках. Горевал долго, просился на самые опасные задания, чтобы и самому погибнуть. Пронесило. А потом подорвался на mine. Выходили меня, дочка, добрые люди.. А вскоре и война закончилась. Забрал я свою доченьку, свою Машеньку...

– А жена? Вы узнали что-нибудь о ней?

– Она погибла. Больше её никто не видел. Погибла в свои неполных девятнадцать лет. В концлагере...

Будто потолок обрушился на Оксану: она вздрогнула всем телом и побледнела. Провела рукой по лбу, вспоминая что-то, очень важное, очень серьезное, и еле промолвила:

– Извините... Извините, Сергей Ильич... Мне... Мне надо уйти... Я к вам зайду завтра... Завтра ... – Голова ее шла кругом.

– Приходи, дочка, приходи, – ответил Мухин, поднимаясь с кресла. – Ты что-то сегодня хотела... Ладно, пусть будет так! С тобой очень приятно беседовать. Ты, видать, душевный человек. А что же так побледнела?

– Ничего... Всё пройдет... До завтра...

В каком-то горячем тумане добралась домой. Не разбирая постель, свалилась на цветное покрывало и устало прикрыла измученные глаза.

Она вспомнила... Она, наконец, все вспомнила!

К ней из детства, из далёкого забытья, вернулась страшная картина, о которой она, казалось, давно забыла, но которая, как яркий отпечаток, настигла её сегодня, в мирный счастливый день.

...Жила она тогда с родителями за границей и училась в четвертом классе. Ей не было и одиннадцати лет. Редко ее папа, Виктор Петрович Ивкин, имел свободное от службы время. А в тот воскресный день повезло всем: и ему, и маме, и особенно ей, Сане Ивкиной, любившей пройтись рядом со своим отцом, красивым и стройным подполковником, кому так чётко козыряли солдаты и офицеры.

В тот день на семейном совете решили посетить концлагерь, находившийся не очень далеко от города, где они жили. Дома её готовили к такому печальному зрелищу, рассказали, что такое концлагерь и просили не волноваться и не плакать. Она клятвенно обещала, что плакать не будет, ведь она уже пионерка и носит красный галстук смелых и отважных ребят.

Глава 3

Крепко вцепившись за мамину руку, Оксанка боязливо шагнула в серые ворота концлагеря. Она впервые видела землю, опутанную в несколько рядов колючей проволокой, за которой, как ей рассказывала мама, когда-то жили и умирали люди, страдая от ран, пыток, голода и холода.

Сейчас сторожевые вышки уже никому не грозили пулеметным огнём, на территории лагеря не блуждали тысячи теней, одетых в полосатую форму, и не рвались, удерживаемые мучителями, откормленные немецкие овчарки.

Все же ей было страшно.

Справа, у самой дороги, выстроились в ряд виселицы. Их было много. Эти страшные деревянные чудища когда-то убивали невинных людей, затягивая на их шеях тугие веревочные петли. Эти петли висели и сейчас, покачиваясь на лёгком ветру, и нагоняли на неё ужас. Возле виселиц – цветы. Кто-то привязал красные гвоздики к перекладинам, столбам и даже к петлям, и они, словно капли свежей крови, алели вверху печально и безмолвно.

В болезненный комочек сжалось сердце девочки, но она не промолвила ни одного слова, лишь крепче вцепилась в мамину руку, холодея всем худеньким неокрепшим тельцем.

«Мамочка... Роденькая... Пойдём домой... Мне страшно...» – хочет она сказать, чувствуя, что слабеет, но не смеет: вокруг гнетущая тишина и снующие, словно призраки, безмолвные люди. В её маленькой горячей ладонке часто подергивается мамин холодный палец.

Вот и блоки, где когда-то ютились изможденные от голода и непосильного труда пленные. Блоков было много: французский, английский, польский, русский.

Вошли в русский блок. Поведя вокруг глазами, Оксана затаилась, лишь гулко билось её маленькое испуганное сердечко. Здесь, в этих бараках, с цементным выбитым полом и нарами в несколько ярусов, страдали и умирали советские люди, её земляки. Среди них были и дети. Их тоже фашисты не щадили. Не щадили детей, таких же, как она, Оксана Ивкина, добрых, нежных, хрупких и чистых, никому ничего плохого не сделавших за свою короткую жизнь! За что казнили? За какую их вину?

Оксана по-детски страдала: остро, глубоко, не умея ещё самостоятельно прогнать эти тяжкие мысли. И к маме и папе не могла обратиться за помощью: здесь говорить было не принято.

Девочка расширенными глазами рассматривала всё вокруг. Чуть дальше, под стеклом, куча ребячьей обуви: туфельки синие, черные, белые, коричневые; такие же ботиночки и сандалики. Вон туфелька с бантиком, почти новенькая, а чуть дальше – ботиночек с красным шнурком, рядышком – крохотный башмачок с мягкой подошвой. Тут же были и куклы в разноцветных платьицах и сарафанах с широко открытыми удивлёнными глазами.

Оксана, еле удерживаясь на ногах, глотнула подступивший к горлу комок, но он снова подкатывался и мешал дышать. Ей уже хотелось плакать, хотелось тут же покинуть этот печальный кусочек земли, на которой когда-то творились такие страшные преступления, но она шла за мамой дальше, к следующей витрине, где толпились, как и везде, молчаливые люди. Не будь маминой руки, тут же свалилась бы под ноги уставших и обессиленных от увиденного посетителей.

Через нескольких минут она стояла возле кучи очков и, подавляя все усиливающийся страх, рассматривала их: большие, средние, маленькие; коричневые, жёлтые, светлые. Как их много! Круглые и вытянутые, с выдавленными стеклами, с треснутой оправой... А вот старые-престарые, с толстой засаленной верёвочкой сбоку. И рядышком – маленькие, словно игрушечные...

Прижавшись к маме, Оксанка протяжно всхлипнула, но крик в себе задержала. И он, этот детский крик, бился в её груди и всеми силами рвался наружу, чтобы в один миг разорвать непонятную тишину. Еле различала впереди идущих людей. Многие толпились, вытирая слёзы, у следующей витрины. Девочке показалось, что она очень долго идёт к ней, тянет своё тельце, тянет из самых последних сил. Вот они с мамой протиснулись вперёд, и Оксанка подняла отяжелевшие веки: под большим чистым стеклом лежали женские волосы. Огромная куча! Целая гора! Чёрные, каштановые, седые, прямые и кудрявые, короткие и длинные, а на самом верху, поперёк, вытянулась во всю свою красу и длину толстая коса яркого золотистого цвета.

Оксана вскрикнула, обеими ручками схватилась за маму и спрятала лицо в её платье. А через несколько секунд уже кричала, захлёбываясь обильной слюной и кашлем.

Подполковник Ивкин схватил дочь на руки и, прижимая к груди, просил её успокоиться. Но она кричала, дёргаясь худеньким тельцем. Наконец, притихла и безвольно обвисла на сильных отцовских руках.

Девочку привезли домой и уложили в постель. Ночью она бредила, стонала и просила маму побыть с ней рядом. Мама садилась на кровать, гладила её горячую головку и тихо плакала, проклиная все войны и все концлагеря, куда они так опрометчиво привезли свою впечатлительную дочь. Оксана изредка открывала затуманенные глаза, смотрела в потолок и бессвязно твердила что-то о детских туфельках, о красивой косе. Мама целовала её худые ручки, покрытый испариной лоб, просила успокоиться и уснуть. Девочка послушно закрывала глаза и снова что-то шептала спекшимися от жары, сухими губами. Затем засыпала.

Ей снились качающиеся в красных гвоздиках петли виселиц у дороги, детские туфельки. Ей снилась роскошная коса цвета спелых пшеничных колосьев.

На следующий день её увезли в военный госпиталь. Врачи, осмотрев девочку, поставили диагноз: тяжелое нервное потрясение.

Все окружили Оксанку заботой и вниманием, и она медленно поправлялась. Через неделю её уже посещали ученики и учителя, помогая в учёбе. Вскоре она бегала по госпитальному саду и кормила рыжего пушистого котёнка Тимошку.

День сменялся ночью, а зима – весной. Оксанка давно поправилась и, казалось, забыла навсегда о концлагере. Она увлеклась музыкой, и часто из распахнутых окон квартиры Ивкиных звучали мелодии Шостаковича, Баха, Шопена.

– Как играет, а? – Виктор Петрович восхищенно смотрел на дочь. – Жажда жизни и здоровья заложена в человеке, и он должен сам побороть в себе страх. Смотри на Саночку. Молодчина и только!

– Да-а-а, наша дочь способная. С болезнью справилась, пусть даже с трудом. Учится хорошо, увлечена музыкой. – Наталья Ивановна подошла к мужу, обняла его за плечи. – Молодому всё просто.

– Существует одна хворь, против которой нет никаких лекарств, – это старость. А у неё всё пройдет бесследно. Я на это надеюсь. И о концлагере забыла.

– Тс-с-с-с! – приложила к губам палец Наталья Ивановна, испуганно взглянув на дочь. – Ни-ни! Никогда!

Виктор Петрович кивнул головой:

– Понял. Об этом никогда. И о войне тоже...

– Тс-с-с-с...

Оксана играла с упоением. Ее тонкие пальчики бегали по клавишам, извлекая изумительной красоты звуки. Вальс Шопена заполнял всю комнату и через открытое настежь окно вырывался во двор, собирая вокруг восхищенных слушателей.

Она играла, забыв о прошлой трагедии, исцеляясь душой и телом. А возвращение через два года на Родину помогло ей окончательно избавиться от страшных воспоминаний о концлагере.

Глава 4

Оксана, казалось, лежала неподвижно. Жалобно всхлипнув, вытянула онемевшие от неудобной позы ноги, провела рукой по лицу, словно пытаясь снять с него печальные воспоминания, и открыла глаза. Никак не могла сразу же связать настоящее с прошлым, что только что обрушилось на нее. Мысли, будто коршуны, клевали мозг, и он болел самой беспощадной болью.

Что делать? Как свести концы с концами? Все ее тело бил озноб.

«А вдруг... вдруг Машенька с косой, что погибла в войну, это... это мамина сестра Маша Квитченко... – Оксана резко поднялась и села, нажимая пальцами на виски, где гулко, отдаваясь болью в каждой клетке тела, пульсировала кровь. – Была Маша Квитченко, а потом она же стала Машей Мухиной... Н-не может быть! Сердце Оксаны зашлось и бушевало в груди, понимая мятеж, сравнимый лишь с ураганом. – Может, может! – тут же убеждала себя, не давая ни малейшего повода усомниться в этом и поставить тот заслон, через который нельзя было бы уже перешагнуть. – Мамина сестра, угоняя на восток колхозный скот, пропала без вести... «Нет, не пропала! Не пропала! – кричала исстрадавшаяся за несколько дней ее душа. – Не пропала, а попала в плен, затем – в партизанский отряд. Там... там встретила Сергея Мухина и вышла за него замуж. А домой весточку послать не успела: на ее земле хозяйничали оккупанты... Да, да, именно так все и было!.. Именно так!» – кричало ее сердце и душа.

От нахлынувших мыслей Оксана ослабла. Верила и не верила своим догадкам, терзала себя мыслями, но поговорить с кем-то не могла: в квартире телефона не было. Не могла и к Мухину поехать: ноги ее подкашивались, а голова шла кругом.

Боялась в чем-то ошибиться или что-то неправильно истолковать, снова легла, зажав голову руками, и продолжая себя допытывать:

«Разве не рассказывала мама о своей сестре, пропавшей без вести в самом начале войны? Разве не разыскивала ее, Машу Квитченко? Разве не рассказывала ей, Оксанке, а потом Оксане, сто раз, двести раз о ней и о ее роскошной золотистой косе почти до колен? Ни у кого такой косы не было... Но такая же коса на портрете Маши Мухиной. И у внучки Маши точно такая же, длинная-предлинная, тугая, яркого золотистого цвета...»

Путаясь в догадках, Оксана растерянно смотрела в потолок, как бы выискивая там ту одну-единственную истину, которая сейчас ей так была нужна.

«Выходит, я случайно разыскала следы маминой сестры, потерявшейся в самом начале войны. Маша Мухина – это и есть тетя Маша, отважная партизанка и разведчица, не пропавшая без вести, как все считали, а погибшая в концлагере. Ее там замучили, а косу... косу отстригли... И она там лежит на куче женских волос... Это ее коса!.. Ее, длинная и красивая, цвета спелых пшеничных колосьев...»

Связав себя по рукам и ногам только что сделанным невероятным открытием, Оксана больше ни о чем не могла думать, только об этом, а все усиливающая тревога колотилась в каждой клетке тела. Она была на грани потери рассудка.

«Неужели это правда? Она увидела среди прохожих девушку с косой, потом разыскала Мухина и узнала о трагической судьбе своей единственной тети... – По комнате пронесся стон. – Боже, боже! А если... Если... Нет-нет! Пока не надо... Что же делать?.. Что делать?..»

Внезапно налетевший откуда-то ветер хлопнул форточкой, распахнул настежь окно и медленно заполнял комнату прохладой. Оксана жадно, всей грудью вдыхала свежий воздух с запахом приближающейся грозы. Где-то чуть слышно уже выезжал на своей колеснице раскатистый гром.

«Ну а если... – Оксана мучительно продолжала выстраивать пока еще не очень понятную цепочку своих размышлений, – если все именно так? О боже! – Ноги ее нервно дерну-

лись. – Завтра с самого утра надо бежать к нему. Нет, не завтра, а сегодня. Немедленно... Сейчас же...»

Но с кровати встать она не смогла. Ее зеленые глаза горели нездоровым блеском, а на щеках яркими пятнами разлился румянец.

Окончательно решив побывать у Мухина утром следующего дня, Оксана медленно успокаивалась и, забыв о работе, о детях и муже, думала уже о том, что она очень счастливая женщина. Счастливая потому, что живет в мирной стране, делающей все для того, чтобы не допустить войны, и что все беды и несчастья, связанные с войной, позади, в прошлом... Это так важно... Нет войны... Пусть будут трудности, пусть невзгоды – люди все преодолеют, если будут дружны... Все... На то они и люди... Только бы не война... Не она, проклятая... Не концлагеря и не виселицы... Не детские туфельки и не... не остриженные женские во... во-о-о-лосы-ы...

Оксана уснула. Чуть заметно поднималась ее грудь, а на горящих румянцем щеках, изредка вздрагивая, отдыхали густые темные ресницы.

Июльский день начинал свой мирный бег. Высокое небо, словно огромный голубой шатер, удерживало на своей левой стороне ярко-оранжевый круг солнца, щедро согревающий людей и землю. А там, на горизонте, клубясь и увеличиваясь в размерах, собирались тучи, чтобы вскоре пролиться благодатным дождем.

Колебя тонкую занавеску, в окно дул свежий ветер. Он набирал силу.

Глава 5

Рассвет прокладывал себе дорогу с востока на запад. Он прочно завоевывал пространство и овладевал им добротнo, по-хозяйски. Уже спешили по своим делам люди; пока их было мало. Зато улицы мели и убирали везде.

Преодолевая усталость, Оксана открыла глаза: рядом – никого. Костя был на дежурстве, и она вздохнула с облегчением.

«И хорошо, что его сегодня нет, – думала она, – иначе надо было ему все рассказать, а у нее нет никаких сил повторить то, что вобрало в себя сердце, готовое вот-вот разорваться».

Оксана посмотрела в окно: рассвет тянется и тянется, а ей уже невмoгуту, ей хочется быстрее собраться и бежать к симпатичному и очень доброму старику, чтобы поскорее развязать тот крепкий узел, который, кажется, затянул не только ее собственную жизнь, но и шею.

Поднялась. Слабость ушла – она крепко стояла на ногах. Умылась, причесалась и зашла на кухню. Чисто, уютно, везде цветы. С завтраком торопилась. Раньше обычного подняла детей. Они не капризничали. Встали, веселые, как всегда, славные и разговорчивые.

– Мамочка, папа на службе, да? – спросила Аленка, сидя уже за столом.

– Да, солнышко мое, да, – ответила Оксана, помогая Антошке застегнуть на рубашонке пуговицы. – Вечером вернется, а завтра – выходной. Все будем отдыхать. В парк съездим. Договорились?

– На качелях и на пони покатаемся. – Антошка аппетитно кушал омлет, отщипывая кусочки мягкой булочки.

– Конечно, конечно, покатаемся, – заверила детей Оксана, не теряя основной нити своего поведения сегодня. – И с горки прокатимся и на колесе обозрения. Отдохнем, как всегда отдыхали.

Оксана отправила ребятишек в детский садик раньше, чем всегда. Ничего, погуляют во дворе, думала и оправдывала себя. И не одни они там будут: многие мамы привозят своих ребятишек пораньше: такая у них работа.

Снова волновалась, надевая свое лучшее платье. А вдруг праздник будет! Вдруг... – и не могла пока поверить в то, что уже выстроилось в голове и сердце, не могла до конца додумать сейчас какой-то очень важный момент.

Заглянула в зеркало: на нее в упор смотрело бледное женское лицо, осунувшееся, похудевшее, с большими печальными глазами, потерявшими за несколько дней свой необычно темно-зеленый цвет.

Только вышла на улицу, сразу же почувствовала слабость. Чего-то боялась: то ли встречи с Мухиным, то ли ошибки в своих предположениях. Ехала в метро и ни о чем другом, кроме своей проблемы, не могла думать. Одна лишь мысль сверлила мозг: ее пропавшая без вести тетя Маша – это жена Мухина, замученная фашистами в концлагере. А ее коса, необыкновенная, красивая, роскошная, лежит там, на горе отстриженных женских волос, лежит тяжким обвинением всем тем злодеям, которые развязывали и развязывают войны...

Вышла из метро, зашла в знакомый двор.

«Лишь бы дома был один Сергей Ильич, – думала, успокаиваясь. – Дочь и внучка его помешают откровенному разговору. С ними знакомство будет позже, в другой раз...»

У Оксаны не хватало сил открыть тугую дверь первого подъезда. Услышала частый стук сердца, вернулась во дворик и присела на знакомую скамейку. Кто-то проходил мимо, кто-то заходил в эту дверь, а она выстраивала и выстраивала план беседы с Мухиным. Не сразу она задаст ему вопрос о девичьей фамилии его погибшей жены: Оксана пощадит и его, и себя. Назови он слово «Квитченко», она тут же будет рыдать и обнимать старого немощного чело-

века. Еще сползет черная повязка – и обнажится зияющая впадина вместо глаза. Тогда будет ее стон и крик, а Сергея Ильича волновать нельзя. Надо вести разговор очень осторожно.

Поднялась со скамейки, подошла к двери и с силой толкнула ее. Дверь подчинилась. Пошли наверх ступеньки, высокие и выщербленные, и Оксана прилагала много усилий, чтобы их преодолеть.

И все же несколько томительных секунд стояла перед дверью, за которой ее с самого утра ждал искалеченный войной ветеран.

Робко прикоснулась к звонку. Еще раз и еще. Дверь распахнулась: перед Оксаной стоял чисто выбритый, будто помолодевший Сергей Ильич.

– А я тебя, дочка, ждал. Ты ведь вчера обещала приехать. Заходи! – Он был суетлив. Его глаз пристально смотрел на раннюю гостью, как бы спрашивая: что же случилось вчера? Почему так внезапно ушла?

– Доброе утро, Сергей Ильич! – выслушав Мухина, поздоровалась Оксана. – Я ненадолго. Извините за вчерашнее мое поведение!

– Проходи на кухню, – предложил Мухин, пропуская Оксану вперед. – Чайку попьем. Мои Машутки убежали... Обе... – Настроение у старого фронтовика было приподнятое. – Я ждал тебя, дочка, ждал, – вновь повторил тепло, по-домашнему, словно они давно были знакомы.

Оксана прошла на кухню: чисто, уютно, много цветов. Присела и почувствовала, что опять заволновалась: надо было начинать серьезный разговор.

Выручил ее Мухин:

– Ты, дочка, не обиделась вчера на старика? Ушла так внезапно, растерянная, в какой-то тревоге. А я думал и думал о твоём визите и все же не понял, зачем ты перешагнула наш порог.

– Я... я, Сергей Ильич... Хочу спросить...

– Ну и спрашивай! – добродушно ответил Мухин, разливая по чашкам чай. Оксана же думала о своем: сейчас все узнаю... Если... Если... Пошлю маме телеграмму... Она тут же приедет...

Мухин тронул гостью за худенькое плечо:

– Ты где-то витаешь, голубушка. Выпьем чайку, а затем расскажешь о себе. Что-то тебя привело ко мне?... К нам... Не даром же...

– Н-не даром, – с готовностью ответила Оксана. А с чего начать разговор, вовсе и не знала. Наблюдая за хозяином, все более убеждалась, что Мухин – это и есть дядя Сережа, муж маминной сестры: с ним тепло, уютно и очень спокойно. Если бы это было так! Если бы...

«Сначала я ему расскажу о косе, которая лежит там, в концлагере, – вдруг мелькнула спасительная мысль и тут же овладела Оксаной. – Да, да! В детстве я ее видела. Опишу все подробности... Обсудим все, обговорим. А потом и девичья фамилия его жены откроется...»

Оксана торопливо выстраивала сюжет дальнейшего разговора:

«Тяжко это будет! Столько печали поселится в его изболевшем сердце! Следы войны опять всколыхнут большую душу старика и затянут в свой жестокий водоворот, и он будет кромсать фронтовика, заставит вернуться туда, откуда он вышел с такими тяжелыми увечьями. Война опять встанет перед ним во весь рост и придавит его немощное тело. И все это развяжет она, Оксана Зотова, развяжет в поисках правды...»

– Я слушаю тебя, дочка. Рассказывай о себе, – попросил повеселевший Мухин, заметив, что его гостя полностью увлечена своими мыслями. – Только чайку попей со стариком. Печенье вот, конфеты.

Оксана уважила Мухина, сделала несколько глотков ароматного чая.

– Несколько дней назад я встретила случайно вашу внучку. Меня очень взволновала ее коса...

– М-да-а-а, – не дав гостье договорить свою мысль, протянул Сергей Ильич и в который раз взглянул на портрет своей жены. – Такой косы нет в нашем большом городе, может, и в мире. Это наша, мухинская, гордость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.